

## **ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА**

**Алина Полонская**

**Еврейские образы достаточно редки в русской классической прозе и поэзии, особенно по сравнению с другими европейскими литературами, влияние которых на русскую не подлежит сомнению. При этом, как и в европейских литературах, женские и мужские образы выполняют разные задачи.**

Образ еврея-мужчины в произведениях русской классики (старый, мерзкий, карикатурный злодей, шпион и ростовщик) перенесен на отечественную почву из западноевропейской и польской литератур. Таковы герой Пушкина из «Черной шали» и «Скупого рыцаря», Янкель из «Тараса Бульбы» Гоголя и тургеневский «Жид».

Именно мужской еврейский персонаж традиционно отражает проблемы сосуществования евреев и христиан.

Еврейка в произведениях русских писателей обычно молода и красива. Ее привлекательность экзотична, притягательность загадочна, порой мистического свойства.

Женские еврейские образы в первую очередь связаны с исследованием темы любви и страсти (и в этом русские авторы следуют европейской традиции). Иногда они подобны прекрасным и добродетельным героиням Библии<sup>[1]</sup>, как, например, в сентиментальной повести Тургенева «Несчастливая» (1868), где история любви Сусанны Ивановны почти детально воспроизводит романтический сюжет Ребекка – Айвенго Вальтера Скотта, о чем героиня сама неоднократно напоминает читателю.

Позже появляется образ роковой еврейки, вызывающей страсть порочную и губительную. Образ фатальной женщины вообще и фатальной еврейки в частности пришел в русскую литературу из французской. Интересен тот факт, что, несмотря на тесные контакты русской и французской литератур, он несомненно прижился на русской почве. Возможно, толчком для создания подобного образа должно было послужить личное знакомство автора со своим прототипом, как это произошло у А. П. Чехова.

Его рассказ «Тина» (1886) можно считать первым опытом изображения еврейской героини в русской литературе, совершенным в традициях реализма<sup>[2]</sup>. Во второй раз еврейская героиня появляется в пьесе того же автора «Иванов» (1-я редакция – 1887, 2-я редакция – 1889), и эти два персонажа надолго остаются единственными в русской литературе, если не считать произведений забытых сегодня периферийных антисемитских авторов, таких, как Всеволод Крестовский или Николай Петрович Вагнер<sup>[3]</sup>.

В «Тине» провинциальная обрусевшая еврейка, дочь богатого владельца водочного завода Сусанна Моисеевна, беззастенчиво пользуется женским обаянием, чтобы обманывать своих кредиторов. Так, она разрывает вексель молодого поручика Сокольского, которому нужны деньги для женитьбы, и соблазняет его. Наутро жених возвращается в имение старшего брата Крюкова ни с чем. Полный негодования Крюков едет к ней и... сам попадает в те же сети. В конце рассказа автор раскрывает силу эротического притяжения этой уездной «царицы Тамары», когда Крюков решает поехать к Сусанне «освежиться» во второй раз и застаёт у нее в гостях всё мужское общество провинциального городка, в том числе своего младшего брата, который сказал ему, что поехал к невесте.

Неудивительно, что многие представители русской интеллигенции – Короленко, например, – сочли этот рассказ антисемитским и потому недостойным внимания<sup>[4]</sup>. Понятна реакция еврейской прессы:

Автор [...] никаких объяснений не дает ни ее распутству, ни ее алчности, надеясь на то, что, при господствующем в известной части нашей печати и в известной среде нашего общества взгляде на евреев вообще, такая еврейка сойдет за чистую монету [...] Между тем всякий мало-мальски знакомый с еврейской средой [...] на основании серьезных и беспристрастных наблюдений над самой жизнью может уверить г. Чехова, что [...] эта Сусанна – просто ложь и глупость<sup>[5]</sup>.

В контексте эпохи считалось, что литературное произведение призвано правдиво изображать жизнь<sup>[6]</sup> для того, чтобы повлиять на умы и поступки людей. Еврейская общественность в свою очередь принимала на себя ответственность за неблагоприятные поступки каждого члена своего сообщества. Существование хотя бы одной литературной Сусанны Моисеевны бросало тень на весь народ и даже могло угрожать его безопасности.

С современных позиций, когда мы уже не воспринимаем непорядочное поведение литературного персонажа еврейской национальности как проявление антисемитизма его автора<sup>[7]</sup>, рассказ «Тина» всё-таки выглядит не чуждым антисемитских настроений. Сама сюжетная линия – дочь владельца спиртового завода обирает кредиторов – слишком соответствует антисемитскому мифу о том, что евреи спаивают русский народ, чтобы отнести это на счет невинной авторской фантазии.

Сусанна говорит поручику о любви к русским и всему русскому, о предпочтении мужчин женщинам, особенно еврейским женщинам. Эти «признания» интригуют и очаровывают Сокольского, а затем и вторую жертву – его женатого брата.

*...я решительно не понимаю, как это порядочный человек может жить с женщиной? [...] ни разу в жизни не видела ни одной сносной женщины [...] Я себя очень люблю, но когда мне напоминают, что я женщина, то я начинаю ненавидеть себя.*

*После евреев я никого так не люблю, как русских и французов. Я плохо училась в гимназии и истории не знаю, но мне кажется, что судьба земли находится в руках у этих двух народов [...] Вы, конечно, не любите евреев... Я не спорю, недостатков много, как и у всякой нации. Но разве евреи виноваты? Нет, не евреи виноваты, а еврейские женщины! [...] Вы никогда не жили с еврейкой и не знаете, что это за прелесть!*

В «откровениях» Сусанны просматриваются не только уловки роковой соблазнительницы, высказывающей парадоксальное в устах женщины (и лестное для мужчины) отношение к своему полу, но и уловки ассимилированной еврейки, стремящейся завоевать доверие русского мужчины, рассуждая о недостатках евреев.

Сусанна предстает роковой женщиной, опасной для всех мужчин, и еврейкой, опасной для всех русских<sup>[8]</sup>.

Обрусение Сусанны чрезвычайно занимает автора. В начале рассказа поручик тщетно ищет в обстановке дома Сусанны нечто «собственно еврейское», хотя отмечает, что Сусанна картавит звук «р». Хозяйка дома первым делом спешит заверить гостя, что у нее в доме не пахнет чесноком, потому что она не хранит его «даже в погребе». Она хвалится тем, что бывает в церкви, где и видела старшего брата поручика: «У всех один Б-г. Для образованного человека не так важна внешность, как идея...»

Таким образом, невольно напрашивается параллель между ней и ассимилированным русским еврейством<sup>[9]</sup>, которое также «любит» русских и французов, на самом же деле вероятно опасно, по мнению Чехова, для русского общества.

Автор статьи в «Восходе» сомневается, что Чехов мог наблюдать Сусанну в действительности. Однако оказалось, что у этого персонажа был реальный прототип. После восстановления купюр в переписке Чехова в 1960 году стало известно о его романе в январе-феврале 1886 года с дочерью московского адвоката Евдокией Исааковной Эфрос (1861–1943), или «Эфрос с носом», как шутливо называл ее Антон Павлович. Кстати, этот самый нос, то есть национальный признак, – первая характеристика Сусанны:

*В кресле [...] сидела женщина [...] с укутанной головой. Из-за вязаного шерстяного платка виден был только бледный длинный нос с острым кончиком и маленькой горбинкой да один большой черный глаз.*

Вероятнее всего, как указывает Елена Толстая в своей книге «Поэтика раздражения», одна из ссор молодых людей 29 октября 1886 года произошла именно вследствие публикации «Тины» в «Новом времени». Видимо, девушку не просто оскорбил антисемитский тон рассказа, – она узнала в героине свои черты. Чехов подарил рассказ актрисе Каратыгиной с припиской: «с живой списано»<sup>[10]</sup>.

Несмотря на то что мы не располагаем подробными биографическими данными о Евдокии Эфрос, однако, вместе с Еленой Толстой, склонны полагать, что поведение московской образованной барышни, которая вместе с сестрой Антона Павловича посещала педагогические частные курсы Герье, вряд ли могло иметь много общего с поступками провинциальной гетеры.

Сюжетная канва и само название рассказа отсылают к роману Жана Ришпена «Клейкая» («La glu»), написанному в 1881 году. Тип сексуально притягательной вульгарной женщины, которая губит мужчин, вообще достаточно распространен во французской литературе конца XIX века. «Нана» (1879) Золя является, пожалуй, наиболее ярким примером такой героини. Зачастую в этой роли выступала именно еврейка<sup>[11]</sup>, что, однако, не относится к героине «Клейкой».

Зато наполовину еврейкой была Сара Бернар<sup>[12]</sup>, у которой во время репетиции пьесы «Клейкая» завязался с Ришпеном роман. Сорокалетняя Сара Бернар в очередной раз подтвердила свою репутацию фатальной женщины на сцене и в жизни, а 35-летний Ришпен бросил молодую жену с ребенком<sup>[13]</sup>. Неудивительно, что репортеры поспешили указать на сходство событий личной жизни Ришпена с сюжетом написанного им романа.

Таким образом, скорее французская литература, чем личный опыт Чехова, подсказала ему определенную «характерность» образа данной национальности и данной модели поведения.

Но почему «с живой списано» и чем, кроме своего еврейского происхождения, Дуня Эфрос заслужила такое нелестное литературное воплощение?

Вероятнее всего, близость Сусанны к русской культуре и ее любовь к русским (поданные Чеховым в карикатурной форме) могли быть свойственны его бывшей невесте, ассимилированной московской еврейке. И именно это, наряду с антисемитским тоном рассказа, могло задеть девушку и быть воспринято ею на свой счет.

«Была сейчас Эфрос. Я озлил ее, сказав, что еврейская молодежь гроша не стоит; обиделась и ушла», – пишет Чехов Киселевой в день выхода «Тины» в печать.

Однако мы оставляем открытым вопрос о том, в какой степени стереотипное представление о развратной роковой еврейке, существующее во французской литературе и разделяемое российскими антисемитами<sup>[14]</sup>, могло повлиять на воображение автора, увидевшего Сусанну в Дуне Эфрос.

Перейдем к пьесе «Иванов», первый вариант которой был написан в 1887 году, в период депрессии автора, по мнению Елены Толстой, в значительной степени вызванной разрывом помолвки с Дуней.

Именно в этом году в произведениях Чехова рождается знакомая нам «чеховская тоска», а писатель заболевает чахоткой...

Иванов – 35-летний провинциальный помещик, страдаемый скукой и тоской в своем имении. Когда-то он был молод и энергичен, теперь же стал зол и раздражителен.

Он охладил к своей жене, крещеной еврейке Анне Петровне, бывшей Сарре. Больная туберкулезом, Анна не понимает причину этой перемены, она по-прежнему любит своего мужа, чахнет в одиночестве и в конце концов умирает.

Иванов сознает свою вину, но ничего не может с собой поделать, он сам себе противен. В него влюблена 20-летняя дочь его друга Лебедева, Сашенька. Роман Иванова с Сашенькой развивается на фоне болезни его жены, и это заставляет некоторых героев пьесы думать, что Иванов женился на Сарре ради денег, а когда ее родители отказываются про-

стить ей переход в другую веру, он решает свести ее в могилу и жениться на богатой наследнице Сашеньке.

На самом деле Иванов – честный человек, он сам страдает от произошедшей с ним перемены. В первом варианте пьесы, названном «комедией», он умирает во время своей свадьбы с Сашенькой и стреляется – во втором варианте.

Как сам Чехов объясняет в письме Суворину от 7 января 1889 года, своим «Ивановым» он «лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях, и положить предел этим писаньям». Иванов, по мысли Чехова и со слов Короленько, – «Иван Иванович Иванов [...] обыкновеннейший человек» и воплощает «одни только типичные русские черты», такие, как «чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость»: они-то и приводят к трагическому финалу.

Один из кульминационных моментов пьесы – диалог Иванова и Анны Петровны в конце третьего акта, где он кричит своей больной жене: «Замолчи, жидовка!»

Зеев Жаботинский в своей статье «Русская ласка» (1909) охарактеризовал эту реплику как проявление «правдивого безразличия»<sup>[15]</sup> со стороны автора. Однако это не так: именно эти слова, вслед за которыми Иванов открывает жене, что она смертельно больна, показывают нам всю глубину падения Иванова, заставляют зрителя ненавидеть его в этот момент.

Трогательный образ умирающей и любящей Анны Петровны на первый взгляд безусловно положителен. Однако он не лишен некоторой специфически еврейской бытовой приземленности, которая особенно заметна в первом, «комедийном» варианте пьесы. Несмотря на искреннее сочувствие своей героине, автор вставляет анекдотические ремарки по поводу ее национальности, которые, правда, исходят не от мужа, Иванова, а от его родственника графа Щабельского. В частности, в первой версии упоминается запах чеснока («Семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком» [действие I, явл. II]. Даже цензор счел нужным вычеркнуть эту реплику Щабельского, что затем и было сделано самим автором во втором варианте пьесы. Там, где во втором варианте Щабельский говорит Анне: «Покойной ночи, прелесть!» – в первом варианте он произносит вместо этого: «Гевалт... Вей мир... Пэх» [действие I, явл. VII]. При этом нужно учесть, что Щабельский искренне привязан к Анне Петровне). В обоих вариантах пьесы героине свойственна коммерческая терминология, когда она говорит о своей несчастной женской судьбе:

*...судьба меня обсчитала. Множество людей [...] ничего не платят за свое счастье. Я же за всё платила, решительно за всё!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?..*

Знаменитая реплика Иванова «Замолчи, жидовка!..» также произносится им в ответ на обвинение супруги в том, что он женился на ней из-за денег. Впрочем, в этом убеждены и другие герои пьесы, несемитского происхождения.

Чехов в письме Суворину от 30 декабря 1888 года отмечает, что жена не понимает «тоску» Иванова и поэтому «в конце 3-го акта высказывается прямо и резко».

Однако в процессе подготовки второго варианта пьесы автор избрал иную трактовку. Он, напротив, подчеркивает, что Анна вполне способна понять Иванова:

*Тоска? понимаю, понимаю... [...] пойдем сядем у тебя в кабинете, в потемках, как прежде, и ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза! Я буду глядеть в них и плакать, и нам обоим станет легче... (Смеется и плачет.)*

Тем не менее Чехов не считал Анну Петровну подходящей парой для своего героя:

*Женщины <Анна Петровна и Сашенька> в моей пьесе не нужны. Главная моя была забота не давать бабам завлакивать собой центр тяжести, сидящий вне их. Если бы мне удалось сделать их красивыми, то я считал бы свою задачу по отношению к ним совершенно исполненной. Женщины участвовали в гибели Иванова... Ну так что же? Неужели нужно длинно пояснять это участие. Которое понятно и тысячу раз уже трактовалось и раньше меня?*

(Письмо Суворину от 8 февраля 1889 года.)

Мы можем рассматривать сюжет «Иванова» как возможный вариант развития отношений Чехова и Дуни в том случае, если бы их свадьба всё-таки состоялась. Судя по всему, этого не произошло из-за того, что она не захотела перейти в православие. Но этот брак, по мнению Чехова, был в любом случае обречен на неудачу:

*Хватит мужества у богатой жидовочки принять православие со всеми последствиями – ладно, не хватит – и не нужно... И к тому же мы уже поссорились [...] Злючка страшная... Что я с ней разведусь через 1–2 года после свадьбы, это несомненно.*

(Письмо Билибину от 1 февраля 1886 года.)

Нам кажется, что колебания Чехова в работе над образом Анны Петровны, та доля анекдотичности, которую он всё-таки оставляет за своей героиней, отражают его противоречивые чувства к бывшей невесте. С одной стороны, Чехов-Иванов видел свою вину в том, что их брак был бы несчастным. С другой, ему, по-видимому, еще сложнее было избавиться от антисемитских предрассудков в жизни, чем в литературном творчестве.

*С невестой разошелся до пес plus ultra. Вчера [...] пожаловался ей на безденежье, а она рассказала, что ее брат-жидок нарисовал трехрублевку так идеально, что иллюзия получилась полная: горничная подняла и положила в карман. Вот и всё. Больше я Вам не буду о ней писать.*

(Письмо Билибину от 11 марта 1886 года.)

Читателю предстоит решить, что здесь продиктовано писательской фантазией, а что – уязвленным мужским самолюбием.

Евдокия Исааковна Эфрос на многие годы пережила своего знаменитого возлюбленного. Она вышла замуж за еврея, после революции эмигрировала во Францию. В 1943 году была депортирована фашистами из парижского дома престарелых. Умерла в концентрационном лагере Трешлинка.

Трагическая нота, звучащая в чеховском «Иванове», отозвалась в ее судьбе.

---

<sup>[1]</sup> Начиная с эпохи Просвещения «добродетельность» Эстер, Юдифь и Яэль подвергалась различным интерпретациям, что отчасти повлияло на возникновение образа роковой еврейской женщины.

<sup>[2]</sup> Рассказ «Жид» (1846) и повесть «Несчастливая» И. С. Тургенева написаны в традициях романтизма.

<sup>[3]</sup> Впоследствии Куприн в своих рассказах, написанных уже в начале XX века, ограничивается лишь описанием внешности еврейских женщин, которых он видел в галицийских местечках, не пытаясь проникнуть в их внутренний мир. См. «Жидовка» (1904), «Свадьба» (1908). Как и в «Жиде» Тургенева, мы можем говорить лишь о специфическом взгляде русского героя на еврейскую женщину, который характеризует наблюдателя, а не объект наблюдения.

<sup>[4]</sup> После погромов 1881–1882 годов было особенно сложно оценивать качество литературного произведения вне зависимости от его идеологической направленности. Однако Бунину, например, рассказ очень понравился.

<sup>[5]</sup> С. Г. (Ш. Фруг). Литературная летопись: В корчме и в будуаре: «Степь», «Тина» и «Перекасти-поле». Рассказы Антона Чехова // Восход. 1889. Октябрь. С. 33.

<sup>[6]</sup> В письме от 14 января 1887 года, отвечая на упреки М. В. Киселевой в антисемитском тоне и «грязном» содержании произведения, Чехов рассуждает о роли писателя, таким образом косвенно подтверждая свою объективность в «Тине»: «Есть же и такие <люди>, которые чем больше знакомятся с житейской грязью, тем становятся чище [...] Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле [...] Литератор должен быть так же объективен, как химик».

<sup>[7]</sup> Чехов действительно был антисемитом, если судить по его переписке, это, однако, не обязательно означает, что он позволял себе антисемитские выпады в своих произведениях.

<sup>[8]</sup> Подробнее об остальных антисемитских аллюзиях см.: Елена Толстая. Поэтика раздражения. Чехов в конце 1980-х – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. С. 29–34.

<sup>[9]</sup> Возможно, автор имеет в виду не только еврейскую буржуазию, но и интеллигенцию тоже. Тема отхода евреев от традиций своего народа волновала Чехова: см. рассказы «Перекасти-поле» и «Степь».

<sup>[10]</sup> См. в письме к Киселевой от 13 декабря 1886 года: «Беру на себя смелость поднести Вам печатную повесть о том, как известные литераторы умеют утилизировать знакомство с “чесноком”. Посылаемый фельетон дал мне 115 рублей. Ну как после этого не тяготеть к еврейскому племени?»

<sup>[11]</sup> Например, Манет Соломон из одноименного произведения братьев Гонкур (1867), Ципора Лиманс из «Королей в изгнании» Альфонса Доде (1879). Естественно, подобные героини становятся особо популярными в связи с делом Дрейфуса.

<sup>[12]</sup> Несмотря на то, что мать Сары Бернар и сама она были христианского вероисповедания и французская и русская пресса неизменно подчеркивали ее семитское происхождение.

<sup>[13]</sup> Кстати, молодой Чехов под псевдонимом Антоша Ч. посвятил две статьи первому приезду Сары Бернар в Россию в 1881 году. Судя по ним, ее игра не произвела большого впечатления на молодого писателя.

<sup>[14]</sup> Например, Сарра и Геся, в «лапы» которых поочередно попадает герой «Темного дела» Н. П. Вагнера (1881).

<sup>[15]</sup> Приводим цитату полностью: «И с таким же правдивым безразличием нарисовал Чехов своего Иванова, одного из несчетных Ивановых, составляющих фонд русской интеллигенции, и с таким же правдивым безразличием засвидетельствовал, что Иванов, когда в дурном настроении, вполне способен обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чехов сам был во многих отношениях Ивановым, русским интеллигентом до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда он написал свою "Тину". Это анекдот еще более нелепый и неправдоподобный, чем тургеневский "Жид", настолько пошлый по сюжету, что и двух строк не хочется посвятить его передаче. Где это Чехову приснилось? Зачем это написалось? Так, прорвало Иванова, одного из несчетных Ивановых земли русской».